

На море на океане, на острове Буяне есть бык печеный. В одном боку у быка нож точеный, а в другом чеснок толченый. Знай режь, в чеснок помалкивай да вволю ешь. Худо ли?

То еще не сказка, а присказка. Сказка вся впереди. Как горячих пирогов поедим да пива попьем, тут сказку поведем.

В некотором царстве, в некотором государстве жила-была бедная молодлица, пригожая вдовица с сыном.

Парня звали Иваном, а по-уличному кликали Иван — вдовый сын.

Годами Иван — вдовый сын был совсем мал, а ростом да дородством такой уродился, что все кругом диву давались.

И был в том царстве купец скупой-прескупой. Первую жену заморил купец голодом; на другой женился — и та недолго пожила.

Ходил купец опять вдовый, невесту приглядывал. Да никто за него замуж нейдет, все его обегают. Стал купец сватать вдовицу.

— Чего тебе без мужа жить? Поди за меня. Подумала, подумала вдовица: «Худая про жениха слава катится, а идти надо. Чего станешь делать, коли жить нечем! Пойду. Каково самой горько ни приведется, а хоть сына подращу».

Сыграли свадьбу. С первых дней купец невлюбил пасынка: и встал парень не так, и пошел не так... Каждый кусочек считает, сам думает: «Покуда вырастет да в работу сгодится, сколько на него добра изведешь! Этак совсем разорюсь, легкое ли дело?».

Мать убивается, работает за семерых: встает до свету, ложится за полночь, а мужу угодить не может. Что ни день, то пуще купец лютует. «Хорошо бы и вовсе, — думает, — от пасынка избавиться».

Пришло время ехать на ярмарку в иной город. Купец и говорит:

— Возьму с собой Ивашку — пусть к делу привыкает да и за товарами доглядит. Хоть какая ни есть, а все польза будет.

А сам на уме держит: «Может, и совсем избавлюсь от него на чужой стороне».

Жалко матери сына, а перечить не смеет. Поплакала, поплакала, снарядила Ивана в путь-дорогу. Вышла за околицу провожать. Махнул Иван шапкой на прощанье и уехал.

Ехали долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, заехали в чужой лес и остановились отдохнуть. Распрягли коней, пустили пастись, а купец стал товары проверять. Ходил около возов, считал и вдруг как зашумел, заругался:

— Одного короба с пряниками не хватает! Не иначе как ты, Ивашка, съел!

— Я к тому возу и близко не подходил!

Пуще купец заругался:

— Съел пряники, да еще отпирается, чтоб тебя леший, такого-сякого, взял!

Только успел сказать, как в ту же минуту ельникберезник зашумел, затрещал, все кругом затемнело, и показался из лесной чащи старик, страшный-престрашенный: голова как сенная копна, глазищи будто чашищи, в плечах косая сажень и сам вровень с лесом.

— За то, что ты отдал мне, лешему, парня, получай свой короб!

Кинул старик короб, подхватил Ивана — и сразу заухало, зашумело, свист да трескоток по лесу пошел.

Купец от страха под телегу пал. А как все стихло, выглянул и видит: кони на поляну сбежались и дрожмя дрожат, гривы колом стоят, и короб с пряниками лежит.

Купец помаленьку пришел в себя, выполз из-под телеги, огляделся — нигде нету пасынка. Усмехнулся.

— Вот и ладно: сбыл с рук дармоеда, и товар весь в целости.

Стал коней запрягать.

А Иван — вдовый сын и оглянуться не успел, как очутился один со страшным стариком.

Старик и говорит:

— Не бойся. Был ты Иван вдовый сын, а теперь — мой слуга на веки веков. Станешь слушаться — буду тебя поить-кормить: пей, ешь вволю, чего душа просит, а за ослушание лютой смерти предам.

— Мне бояться нечего — все равно хуже, чем у отчима, нигде не будет. Только вот матери жалко. Совсем она изведется без меня.

Тут старик свистнул так громко, что листья с деревьев посыпались, цветы к земле пригнулись и трава пожухла.

И вдруг, откуда ни возьмись, стал перед ним конь. Трехсаженный хвост развеивается, и сам огромный-преогромный, будто гора.

Подхватил леший Ивана, вскочил в седло, и помчались они, словно вихрь.

— Стой, стой, — закричал Иван, — у меня шапка свалилась!

— Ну, где станем твою шапку искать! Пока ты проговорил, мы пятьсот верст проехали, а теперь до того места — уже целая тысяча.

Через мхи, болота, через леса, через озера конь перескакивал, только свист в ушах стоял.

Под вечер прискакали в лешачье царство.

Видит Иван: на поляне высокие палаты, а вокруг забором обнесены из целого строевого лесу. В

небо забор упирается, а ворот нигде нету.

Рванулся конь, взвился под самые облака и перескочил через изгородь.

Леший коня расседлал, разнуздал, насыпал пшеницы белояровой и повел Ивана в палаты:

— Сегодня сам ужин приготовлю, а ты отдыхай. Завтра за дело примешься.

С теми словами печь затопил, семигодовалого быка целиком зажарил, выкатил сорокаведерную бочку вина:

— Садись ужинать!

Иван кусочек-другой съел, запил ключевой водой, а старик всего быка оплел, все вино один выпил и спать завалился.

На другой день поднялся Иван раненько, умылся беленько, частым гребешком причесался. Все горницы прибрал, печь затопил и спрашивает:

— Что еще делать?

— Ступай коней, коров да овец накорми, напои, потом выбери десяток баранов пожирнее и зажарь к завтраку.

Иван за дело принялся с охотой, и так у него споро работа пошла — любо-дорого поглядеть! Скоро со всем управился, стол накрыл, зовет старика:

— Садись завтракать!

Леший парня нахваливает:

— Ну, молодец! Есть у тебя сноровка и руки, видать, золотые, только сила ребячья. Да то дело поправимое. Достал с полки кувшин:

— Выпей три глотка. Иван выпил и чует — сила у него утроилась.

— Вот теперь тебе полегче будет с хозяйством управляться.

Поели, попили. Поднялся старик из-за стола:

— Пойдем, я тебе все здесь покажу.

Взял связку ключей и повел Ивана по горницам да кладовым.

— Вот в этой клетке золото, а в той, что напротив, серебро.

В третью кладовую зашли — там камень самоцветные и жемчуг скатный и четвертой — дорогие меха: лисицы, куницы да черные соболя. После того вниз спустились. Тут вин, медов и разных напитков двенадцать подвалов бочками выставлено. Потом снова наверх поднялись. Отворил старик дверь. Иван через порог переступил да так и ахнул. По стенам развешаны богатырские доспехи и конская сбруя. Все червонным золотом и дорогими камнями изукрашено, как огонь горит, переливается на солнышке.

Глядит Иван на мечи, на копья, на сабли да сбрую и оторваться не может.

«Вот как бы, — думает, — мне те доспехи да верный конь!»

Повел его леший к самому дальнему строению. Подал связку ключей:

— Вот тебе ключи ото всех дверей. Стереги добро. Ходи везде невозбранно и помни: за все, про все с тебя спрошу, тебе и в ответе быть.

Указал на железную дверь:

— Сюда без меня не ходи, а не послушаешь — на себя пеняй: не быть тебе живому.

Стал Иван служить, свое дело править. Жили-пожили, старик говорит:

— Завтра уеду на три года, ты один останешься. Живи да помни мой наказ, а уж провинишься — пощады не жди.

На другое утро, ни свет ни заря, коня оседлал, через забор перемахнул — только старика и видно было. Остался Иван один-одинешенек. Слова вымолвить не с кем.

Прошел еще год и другой — скучно стало Ивану: «Хоть бы одно человеческое слово услышать, все было бы полегче».

И тут вспомнил: «Что это леший не велел железную дверь открывать? Может быть, там человек в неволе томится? Дай-ка пойду взгляну, ничего старик не узнает».

Взял ключи, отпер дверь. За дверью лестница — все ступени мохом поросли. Иван спустился в подземелье. Там большой-пребольшой конь стоит, ноги цепями к полу прикованы, голова кверху задрана, поводом к балке притянута. И видно: до того отощал конь — одна кожа да кости.

Пожалел его Иван. Повод отвязал, пшеницы, воды принес.

На другой день пришел, видит — конь повеселее стал. Опять принес пшеницы и воды. Вволю накормил, напоил коня. На третий день спустился Иван в подземелье и вдруг слышит:

— Ну, добрый человек, пожалел ты меня, век не забуду твоего добра!

Удивился Иван, оглянулся, а конь говорит:

— Пои, корми меня еще девять недель, из подземелья каждое утро выводи. Надо мне в тридцати росах покататься — тогда в прежнюю силу войду. Стал Иван коня поить, кормить, каждое утро на зеленую траву-мураву выводить. Через день конь в заповедном лугу по росе катался.

Девять недель поил, кормил, холил коня. В тридцати утренних росах конь покатался и такой стал сытый да гладкий, будто налитой.

— Ну, Иванушка, теперь я чую в себе прежнюю силу. Сядь-ка на меня да держись покрепче. А конь большой-пребольшой — с великим трудом сел Иван верхом.

В ту самую минуту все кругом стемнело — и, словно туча, леший налетел.

— Не послушал меня, вывел коня из подземелья!

Ударил Ивана плеткой.

Парень семь сажень с коня пролетел и упал без памяти.

— Вот тебе наука! Выживешь — твое счастье, не выживешь — выкину сорокам да воронам на обед!

Потом кинулся леший за конем. Догнал, ударил плеткой наотмашь; конь на коленки пал.

Принялся леший коня бить.

— Душу из тебя вытрясу, волчья сыть!

Бил, бил, в подземелье увел, ноги цепями связал, голову к бревну притянул:

— Все равно не вырвешься от меня, покоришься!

Много ли, мало ли прошло времени, Иван пришел в себя, поднялся.

— Ну, коли выжил — твое счастье, — леший говорит. — В первой вине прощаю. Ступай, свое дело правь!

На другой день пролетел над палатами ворон, трижды прокаркал: крр, крр, крр!

Леший скорым-скоро собрался в дорогу:

— Ох, видно, беда стряслась! Не зря братец Змей Горыныч ворона с вестью прислал.

На прощанье Ивану сказал:

— Долго в отлучке не буду. Коли провинишься в другой раз — живому не быть!

И уехал. Остался Иван один и думает: «Меня-то леший не погубил, а вот жив ли конь? Будь что будет — пойду узнаю».

Спустился в подземелье, видит — конь там, обрадовался:

— Ох, коничек дорогой, не чаял тебя живого застать!

Скоро-наскоро повод отвязал. Конь гривой встряхнул, головой мотнул:

— Ну, Иванушка, не думал, не гадал я, что осмелишься еще раз сюда прийти, а теперь вижу: хоть годами ты и мал, зато удалью взял. Не побоялся лешего, пришел ко мне. И теперь уж нельзя нам с тобой здесь оставаться.

Тем временем Иван и конь выбрались из подземелья.

Остановился конь на лугу и говорит:

— Возьми заступ и рой яму у меня под передними ногами.

Иван копал, копал, наклонился и смотрит в яму.

— Чего видишь?

— Вижу — золото в яме ключом кипит.

— Опускай в него руки по локоть.

Иван послушался — и стали у него руки по локоть золотые.

— Теперь зарой ту яму и копай другую — у меня под задними ногами.

Иван яму вырыл.

— Ну, чего там видишь?

— Вижу — серебро ключом кипит.

— Серебри ноги по колено.

Иван посеребрил ноги.

— Зарывай яму, и пусть про это чудо леший не знает.

Только Иван яму зарыл, как конь встрепенулся:

— Ох, Ваня, надо торопиться — чую, леший в обратный путь собирается! Поди скорее в ту кладовую, где богатырское снаряжение хранится, принеси третью слева сбрую.

Ушел Иван и воротился с пустыми руками.

— Ты чего?

Иван молчит, с ноги на ногу переминается и голову опустил.

Конь догадался:

— Эх, Иван, забыл я — ведь ты еще не в полной силе, а моя сбруя тяжелая — триста пудов. Ну, не горюй, все это поправить можно. В той кладовой направо в углу сундук, а в нем три хрустальных кувшина. Один с зеленым, другой с красным, третий с белым питьем. Ты из каждого кувшина выпей по три глотка и больше не пей, а то и я не смогу носить тебя. Иван побежал. Глядь — уже возвращается, сбрую несет.

— Ну как? Прибавилось у тебя силы?

— Чую в себе великую силу!

Конь опять встрепенулся:

— Поторапливайся, Ваня, леший домой выезжает. Иван скоро-наскоро коня оседлал.

— Теперь ступай в палаты, подымись в летнюю горницу, найди в сундуке мыло, гребень и полотенце. Все это нам с тобой в пути пригодится.

Иван мыло, полотенце и гребень принес:

— Ну как, поедем?

— Нет, — Ваня, сбегай еще в сад. Там в самом дальнем углу есть диковинная яблоня с золотыми скороспелыми яблоками. В один день та яблоня вырастает, наг другой день зацветает, а на третий день яблоки поспевают. Возле яблони колодец с живой водой. Зачерпни той воды ковшиком-другой. Да смотри не мешкай: леший уж полпути проехал.

Иван побежал в сад, налил кувшин живой воды, взглянул на яблоню, а на яблоне полным-полно золотых спелых яблок.

«Вот бы этих яблок домой увезти! Стали бы все люди сады садить, золотые яблоки растить да радоваться. В день яблони растут, на другой день цветут, а на третий день яблоки поспевают. Будь что будет, а яблок я этих нарву». Три мешка золотых яблок нарвал Иван и бегом из сада бежит, а конь копытами бьет, ушами прядет:

— Скорее, скорее! Выпей живой воды и мне дай испить, остальное с собой возьмем.

Иван мешки с яблоками к седлу приторочил, дал коню живой воды и сам попил.

В ту пору земля затряслась, все кругом ходуном заходило, добрый молодец едва на ногах устоял.

— Торопись! — конь говорит. — Леший близко!

Вскочил Иван в седло. Рванулся конь вперед и перемахнул через ограду.

Леший подъехал к своему царству с другой стороны, через ограду перескочил и закричал:

— Эй, слуга, принимай коня!

Ждал-ждал — нету Ивана. Оглянулся и видит: ворота в подземелье настезь распахнуты.

— Ох, такие-сякие, убежали! Ну да ладно, все равно догоню.

Спрашивает коня:

— Можем ли беглецов догнать?

— Догнать-то догоним, да чую, хозяин, беду-невзгону над твоей головой и над собой!

Рассердился леший, заругался:

— Ах ты, волчья сыть, травяной мешок, тебе ли меня бедой-невзгодой страшать!

И стал бить плетью коня по крутым бедрам, рассекал мясо до кости:

— Не догоним беглецов — насмерть тебя забью!

Взвился конь под самые облака, перемахнул через забор.

Будто вихрь, помчался леший в погоню. Долго ли, коротко ли Иван в дороге был, много ли, мало ли проехал, вдруг конь говорит:

— Погоня близко. Доставай скорее гребень. Станет леший наезжать да огненные стрелы метать — брось гребень позади нас.

В скором времени послышался шум, свист и конский топот. Все ближе и ближе. Слышит Иван — леший кричит:

— Никому от меня не удавалось убежать, а вам и подавно не уйти! — И стал пускать огненные стрелы. — Живьем сожгу!

Иван изловчился, кинул гребень — и в эту же минуту перед лешим стеной поднялся густой лес: ни пешему не пройти, ни конному не проехать, дикому зверю не прорыснуть, птице не пролететь.

Леший туда-сюда сунулся — нигде нету проезда, зубами заскрипел:

— Все равно догоню, только вот топор-самосек привезу.

Привез топор-самосек, стал деревья валить, пеньякоренья корчевать, просеку расчищать.

Бился, бился, просеку прорубил, вырвался на простор. Поскакал за Иваном:

— Часу не пройдет, как будут в моих руках!

В ту пору конь под Иваном встрепенулся.

— Достань, Ваня, мыло, — говорит. — Как только леший станет настигать и огненные стрелы полетят, кинь мыло позади нас.

Только успел вымолвить, как земля загудела, ветер поднялся, шум пошел.

Слышно — заругался леший:

— Увезли мой волшебный гребень, ну, все равно не уйти от меня!

И посыпались, дождем огненные стрелы. Платье на Иване в семи местах загорелось. Кинул он мыло — и до облаков поднялась каменная гора позади, коня.

Остановился леший перед горой:

— Ах, и волшебное мыло увезли! Чего теперь делать? Коли кругом объезжать, много времени понадобится. Лучше каменную гору разбить, раздробить да прямо ехать.

Поворотил коня, поехал домой, привез кирки, мотыги. Стал каменную гору бить-долбить. Каменные обломки на сто верст летят, и такой грохот стоит — птицы и звери замертво падают.

День до вечера камень ломал, к ночи пробился через гору и кинулся в погоню.

Тем временем Иван коня покормил и сам отдохнул. Едут, путь продолжают. В третий раз стал их леший настигать, стал огненные стрелы метать. Иваново платье сгорело, и сам он и конь — оба обгорели. Просит конь:

— Не мешкай, Ванюшка, скорее достань полотенце и брось позади нас.

Иван полотенце кинул — и протекла за ними огненная река. Не вода в реке бежит, а огонь горит, выше лесу пламя полыхает, и такой кругом жар, что сами они насилу ноги унесли, чуть заживо не сгорели. Леший с полного ходу налетел, не успел коня остановить — и все на нем загорелось.

— И полотенце увезли! Ну, ничего, надо только на ту сторону переправиться, теперь уж нечем им будет меня задержать.

Ударил коня плетью изо всех сил, скочил конь через реку, да не смог перескочить: пламенем ослепило, жаром обожгло. Пал конь с лешим в огненную реку, и оба сгорели.

В ту пору Иванов конь остановился:

— Ну, Иванушка, избавились мы от лешего и весь народ избавили от него: сгорел леший со своим конем в огненной реке!

Иван коня расседлал, разнуздал, помазал ожоги живой водой. Утихла боль, и раны зажили. Сам повалился отдыхать и уснул крепким, богатырским сном. Спит день, другой и третий. На четвертое утро пробудился, встал, кругом огляделся и говорит:

— Места знакомые — это наше царство и есть. В ту пору конь прибежал:

— Ну, Иванушка, полно спать, прохлаждаться, пришла пора за дело браться. Ступай, ищи свою долю, а меня отпусти в зеленые луга. Когда понадобится, выйди в чистое поле, в широкое раздолье, свистни посвистом молодецким, гаркни голосом богатырским: «Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» — я тут и буду.

Иван коня отпустил, а сам думает: «Куда мне идти? Как людям на глаза показаться? Ведь вся одежда на мне обгорела».

Думал-подумал и увидал — недалеко стадо быков пасется. Схватил Иван одного быка за рога, приподнял и так ударил обземею, что в руках одна шкура осталась — бычью тушу, будто горох из мешка, вытряхнул. «Надо как-нибудь наготу прикрыть!» Завернулся Иван с ног до головы в бычью шкуру, взял золотые скороспелые яблоки и пошел куда глаза глядят.

Долго ли, коротко ли шел, пришел к городским воротам.

У ворот народ собрался. Слушают царского гонца:

— Ищет царь таких садовников, чтобы в первый день сад насадили, на другой день вырастили и чтобы на третий день в том саду яблоки созрели. Слух пал: где-то есть такие скороспелые яблоки. Кто есть охотник царя потешить?

Никто царскому гонцу ответа не дает. Все молчат. Иван думает: «Дай попытаю счастья!»

Подошел к гонцу:

— Когда за дело приниматься?

Вся глядят — дивятся: откуда такой взялся? Стоит, словно чудище какое, в бычью шкуру завернулся, и хвост по земле волочится.

Царский гонец насмехается:

— Приходи завтра в полдень на царский двор, найдем тебя да пугалом в саду поставим — ни одна птица не пролетит, ни один зверь близко не пробежит.

— Погоди, чего раньше времени насмехаешься? Как бы после каяться не пришлось! — сказал Иван и отошел прочь.

На другой день пришел Иван на царский двор, а там уже много садовников собралось. Вышел царь на крыльцо и спрашивает:

— Кто из вас берется меня утешить, наше государство прославить? Кто вырастит в три дня золотые яблоки, тому дам все, чего он только захочет.

Вышел один старик садовник, царю поклонился:

— Я без малого сорок годов сады ращу, а и слухом не слыхивал этакого чуда: в три дня сад насадить, яблони вырастить и спелые яблоки собрать. Коли дашь поры-времени три года, я за дело примусь. Другой просит сроку два года. Третий — год. Иные берутся и в полгода все дело справиться. Тут вышел вперед Иван:

— Я в три дня сад посажу, яблони выращу и спелые золотые яблоки соберу.

И опять все на него глядят — дивятся. И царь глядит, глаз с Ивана не сводит, сам думает: «Откуда такой взялся?».

Потом говорит:

— Ну, смотри, берешься за гуж — не говори, что не дуж. Принесешь через три дня спелые яблоки из нового сада — проси чего хочешь, а обманешь — пеняй на себя: велю голову отрубить.

И своему ближайшему боярину приказал:

— Отведи садовнику землю под новый сад и дай ему все, чего понадобится.

— Мне ничего не надо, — говорит Иван. — Укажите только, где сад садить.

На другой день вечером вышел Иван в чистое поле, в широкое раздолье, свистнул посвистом молодецким, гаркнул голосом богатырским:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет, грива по ветру развеивается. Прибежал, стал как вкопанный:

— Чего, Иванушка, надо?

— Взялся я сад насадить и в три дня яблоки собрать.

— Ну то дело нехитрое. Бери яблоки, садись на меня да спускай в ископять по яблоку.

Ходит конь, по целой печи комья земли копытами выворачивает, а Иван в те ямы яблоки спускает. Все яблоки посадили. Иван коня отпустил и в каждый ступок по капле живой воды прыснул. Потом прошел по рядам — землю распушил, разрыхлил. И скоро стали пробиваться ростки. Зазеленел сад. К утру, к свету, выросли деревца в полчеловека, а к вечеру стали яблони совсем большие и зацвели. По всему царству пошел яблоневый дух, такой сладкий — всем людям на радость.

Иван два дня и две ночи глаз не смыкал, рук не покладал, сад стерег да поливал. В труде да заботе притомился, сел под дерево, задремал, потом на траву привалился и заснул.

А у царя было три дочери. Зовет младшая царевна:

— Пойдемте, сестрицы, поглядим на новый сад. Сегодня там яблони зацвели.

Старшая да средняя перечить не стали. Пришли в сад, а сад весь в цвету, будто кипень белый.

— Глядите, глядите, яблони цветут!

— Кто этот сад насадил да столь скоро вырастил?

— Хоть бы разок взглянуть на этого человека!

Искали, искали садовника — не нашли. Потом увидели: кто-то лежит под деревом, человек — не человек, зверь — не зверь. Старшая сестра подошла поближе. Воротилась и говорит:

— Лежит какое-то страшилище, пойдёте прочь. А средняя сестрица взглянула и говорит:

— Ой, сестрицы, и глядеть-то противно на эдакого уroda! Уж не это ли чудище сад насадило да вырастило?

— Ну вот еще, чего выдумала! — говорит старшая царевна.

А младшая сестра, Наталья-царевна, просит:

— Не уходите далеко, и я погляжу, кто там есть!

Пришла, поглядела, обошла кругом дерева. Потом приподняла бычью шкуру и видит: спит молодец такой пригожий — ни вздумать, ни взгадать, ни пером описать, только в сказке сказать, — по локоть у молодца руки в золоте, по колено ноги в серебре. Глядит царевна, не наглядится, сердце у ней замирает. Сняла свой именной перстенок и тихонько надела Ивану на мизинец.

Сестры аукаются, кричат:

— Где ты, сестрица? Пойдем домой!

Бежит Наталья-царевна, а сестры навстречу идут:

— Чего там долго была, чего в этом уроде нашла? Будто пугало воронье! И кто он такой?

А Наталья-царевна в ответ:

— За что человека обижаете, чего он вам худого сделал? Поглядите, какой он прекрасный сад вырастил, батюшку утешил и все наше царство прославил. В ту пору и царь пробудился. Подошел к окну, видит — сад цветет, обрадовался: «Вот хорошо, не обманул садовник! Есть чем перед гостями похвалиться. Приедут сегодня женихи — три царевича, три королевича чужеземных; да своих князей, бояр именитых на пир позову — пусть дочери суженых выбирают». К вечеру гости съехались, а на другой день завели большой пир-столованье. Сидят гости на пиру, угощаются, пьют, едят, веселятся.

Спал Иван, спал и проснулся, увидел на мизинце перстень золотой, удивился: «Откуда колечко взялось?».

Снял с руки и увидел надпись — на перстне имя меньшей царевны обозначено.

«Хоть бы взглянуть, какая она есть!» А на яблонях налились, созрели золотые яблоки, горят-переливаются, как янтарь на солнышке. Нарвал Иван самых спелых яблок полную корзину и принес во дворец, прямо в столовую горницу. Только через порог переступил, сразу всех гостей яблоневым духом так и обдало, будто сад в горнице.

Подад царю корзину. Все гости на яблоки глядят, глаз отвести не могут. И царь сидит сам не свой, перебирает золотые яблоки и молчит. Долго ли, коротко ли так сидел, прошла оторопь, опомнился:

— Ну спасибо, утешил меня! Эдаких яблок нигде на белом свете не сыскать. И коли умел ты в три дня сад насадить да вырастить золотые яблоки, быть тебе самым главным садовником в моем королевстве!

Покуда царь с Иваном говорил, все три царевны стали гостей вином обносить, стали себе женихов выбирать.

Старшая сестра выбрала царевича, средняя выбрала королевича, а меньшая царевна раз вокруг

стола обошла — никого не выбрала и другой раз обошла — никого не выбрала. Третий раз пошла и остановилась против Ивана. Низко доброму молодцу поклонилась:

— Коли любя я тебе, будь моим суженым!

Поднесла ему чару зелена вина.

Иван чару принял, на царевну взглянул — такая красавица, век бы любовался! От радости не знает, что и сказать.

А все, кто был на пиру, как услышали царевнины слова, — пить, есть перестали, уставились на Ивана да меньшую царскую дочь, глядят, молчат.

Царь из-за стола выскочил:

— Век тому не бывать!

— А помнишь ли, царское величество, — Иван говорит, — когда я на работу рядился, у нас уговор был: коли не управлюсь с делом — моя голова с плеч, а коли выращу яблоки в три дня — сулил ты мне все, чего я захочу. Яблоки я вырастил и одной только награды прошу: отдай за меня Наталью-царевну!

Царь руками замахал, ногами затопал:

— Ах ты, невежа, безродный пес! Как у тебя язык повернулся этакие слова сказать!

Тут царевна отцу, матери поклонилась:

— Я сама доброго молодца выбрала и ни за кого иного замуж не пойду.

Царь пуще расходился, зашумел:

— Была ты мне любимая дочь, а после твоих глупых речей я тебя знать не знаю! Уходи со своим уродом из моего царства куда знаешь, чтобы глаза мои не видали!

Царица слезами залилась:

— Ох, отсекла нам голову! От этакого позору и в могиле не ухоронишься!

Поплакала, попричитала, а потом стала царя уговаривать:

— Царь-государь, смени гнев на милость! Ведь хоть дура, да дочь, чего станешь делать. Не изгоняй из царства. Отведи где-нибудь местишко. Пусть там живут. Пусть они на твои царские очи не смеют показываться, а я знать всегда буду, жива ли она!

Царь тем слезам внял, смилостивился:

— Вот пусть в старой избенке в нашем заповедном лесу живут... в стольный град и не показывайтесь!

Выгнал царь Наталью-царевну да Ивана, а старшую и среднюю дочь выдал замуж честь честью. Свадьбы сыграли, и после свадебных пиров и столованья царь отписал старшим зятьям полцарства. Царевич да королевич со своими женами в царских теремах поселились. Живут припеваючи, в пирах да в веселье время ведут.

А Иван лесную избушку починил, небольшую делянку в лесу вырубил, пенья, коренья выкорчевал и хлеб посеял. Живут с молодой женой, от своих рук кормятся, в город не показываются.

Много ли, мало ли времени прошло, — нежданнонегаданно беда стряслась: постигла царство великая невзгода. Прискакал гонец, печальную весть принес:

— Царь-государь, иноземный король границу перешел, и войска у него видимо-невидимо! Три города с пригородками и много сел с приселками пожег, попалил головней покатыл: всю нашу заставу побил-повоевал.

Царь сидел на лежанке и, как услышал те слова, так и обмер. Ерзает на кирпичах, а с места сойти не может. Потом очнулся:

— Подайте корону и скличьте зятьев да ближних бояр!

Пришли зятя с боярами, поклонились. Царь корону поправил, приосанился:

— Король Гвидон с несметными войсками на нас идет. Собирайте рать-силу, ступайте навстречу неприятелю, царство мое защищать.

Зять-царевич да зять-королевич похваляются:

— Не тревожь себя, царь-государь, мы тебя не покинем! Гвидоново войско разобьем и самого Гвидона в колодках к тебе приведем.

Собрали полки, в поход пошли. Царь велел шестерик самолучших коней в карету запрячь и поехал вслед за войском:

— Хоть издали погляжу, каковы в ратном деле мои наследники.

Долго ли, коротко ли ехал, — выехала карета на пригорок, и видно стало в подзорную трубу: неприятельские войска вдали стоят. Замерло сердце у царя: глазом не окинуть Гвидонову рать, соколу в три дня не облететь. Куда ни погляди — везде Гвидоновы полчища, черным-черно в степи.

Глядит царь в подзорную трубу и видит: ездит неприятельский богатырь, похваляется, кличет себе поединщика, над царевыми войсками насмежается. Никто ему ответа не дает. Царевич с королевичем за бояр хоронятся, а бояре прочь да подальше пятятся. За кусты да в лес попрятались, одних ратников на поле оставили.

В ту пору дошла до Ивана весть: войска в поход ушли. Выбежал он в чистое поле, в широкое раздолье, свистнул посвистом молодецким, гаркнул голосом богатырским:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

На тот крик бежит конь со всеми доспехами богатырскими. У коня изо рта огонь-пламя пышет, из ушей дым столбом валит, из ноздрей искры сыплются; хвост на три сажени расстилается, грива до копыт легла. Иван коня седлал. Накладывал сперва потники, на потники клал войлоки, на войлоки — седельце казацкое; шелковые подпруги крепко-накрепко затягивал, золотые пряжки застегивал. Все не ради красоты, а ради крепости: как ведь шелк-то не рвется, булат не гнется, а красное золото не ржавеет.

На себя надел доспехи богатырские, вскочил в седло и ударил коня по крутым бедрам. Его добрый конь пошел скакать. Из-под копыт комья земли с пещь летят, в ископыти подземные ключи кипят.

Будто сокол, налетел Иван на Гвидоново войско и увидал в чистом поле могучего богатыря иноземного. Закричал громким голосом, как в трубу заиграл. От такого крику молодецкого деревья в лесу зашатались, вершинами к земле приклонились.

Засмеялся чужой богатырь:

— Нечего сказать, нашли поединщика! На ладонь покладу, а другой прихлопну — и останется от тебя только грязь да вода!

Ничего Иван в ответ не сказал. Выхватил свою пудовую палицу и поскакал навстречу бахвальщику. Съехались они, будто две горы скатились. Ударились палицами, и вышиб Иван супротивника из

седла. Упал тот на сырую землю, да столько и жив бывал. Как увидели Гвидоновы войска, что не стало главного богатыря, кинулись бежать прочь.

А царевич с королевичем да с боярами из-за кустов выскочили, саблями замахали, повели ратников своих в погоню. Иван коня поворотил, птицей соколом навстречу летит. Никто его не узнал. Только когда мимо царя проскакал, заметил царь: руки по локоть у молодца золотые, а ноги по колению — серебряные. Крикнул царь:

— Чей ты, добрый молодец, будешь, из каких родов, из каких городов? Как тебя звать-величать и кто тебя на подмогу нам прислал?

Ничего Иван царю не ответил, скрылся из глаз. Уехал в чистое поле, расседлал, разнуздал коня, отпустил на волю. Снял с себя доспехи богатырские. Все прибрал, а сам завернулся в шкуру и пошел домой. Залез на печь, спать повалился. Прошло времени день ли, два ли, воротились царевич да королевич с войсками. Во дворце пошли пиры да веселье — победу празднуют.

Посылает Иван жену:

— Поди, Наталья-царевна, попроси у отца с матерью чару зелена вина да свиной окорок на закуску. Пошла во дворец Наталья-царевна незваная, непрошенная. Отцу с матерью поклонилась, с гостями поздоровалась:

— Пошлите моему Ивану чару зелена вина да свиной окорок на закуску.

Царь ей и говорит:

— Под лежачий камень даже вода не течет. Твой муж на войну не ходил. Дома на печи пролежал, а теперь пировать захотел!

Царица просит:

— Ну, царь-государь, ради такого праздника смени гнев на милость!

— Ладно, ладно, — махнул рукой царь, — так и быть, пошлите Ивану, чего после гостей останется. Наталья-царевна обиделась:

— Пусть уж старшие зятя пьют, гуляют да угощаются. Они на войну ходили и, слышно, из-за кустов Гвидово войско видали. А нам с мужем блюдолизничать — статочное ли дело!

Повернулась и ушла. Не успел царь с гостями отпировать, как прискакал гонец:

— Беда, царь-государь! Гвидон с войском опять границу перешел, а и с ним — средний брат убитого богатыря. Тот богатырь требует: «Коли не приведет царь того молодца, кто моего брата убил, все царство разорим, не оставим никого в живых».

Царю от той вести кусок поперек горла стал, руки, ноги дрожат.

А хмельные зятя — царевич да королевич — кричат, бахвалятся:

— Мы тебе, родитель богоданный, в беде — верная помога, на нас надейся!

Войско собрали, коней оседлали, пошли в поход. Царь со страху занемог, лежит стонет.

Встретились царские полки с неприятелем. Гвидонов богатырь с несметной силой напал, и начался кровавый бой.

Бьются ратники с чужеземными полчищами: один — с десятью, а двое — с тысячей.

Царские зятя как увидели великана-богатыря да несметное войско, и весь их боевой пыл пропал. За боярские спины хоронятся, а бояре — за кусты, за кусты, прочь подальше пятятся.

В ту пору выбежал Иван в чистое поле, в широкое раздолье. Свистнул посвистом молодецким, гаркнул голосом богатырским:

— Сивка-бурка, вещей каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

На тот крик-свист добрый конь бежит, под ним земля дрожит, изо рта огонь-пламя пышет, из ноздрей искры сыплются, из ушей дым кудреват столбом валит. Иван коня остановил, оседлал и сам в боевые доспехи нарядился. В седло вскочил, поскакал на побоище, Наехал на Гвидоново войско и принялся бить, как траву косить, чужеземную силу.

Где проедет — там улица, а мечом махнет — переулочек.

Скачет Гвидонов богатырь на Ивана. На коне, как гора, сидит, готов Ивана живьем сглотнуть. Съехали, долгомерными копьями ударились — копыя у них приломились, никоторый никоторого не ранили. Сшиблись кони грудь с грудью, выхватили наездники острые мечи. Угодил Иван мечом в супротивника. Рассек, развалил его надвое, до самой седельное подушки. Повалился из седла богатырь, будто овсяной сноп.

Тут Гвидоновы войска ужаснулись, снаряжение боевое кинули и побежали с поля боя прочь. А свои ратники приободрились: насаждают да бьют, гонят вражью силу.

Иван коня поворотил:

— Теперь и без меня управятся!

Навстречу ему едут царские старшие зятья с боярами, торопятся свои полки догнать, машут саблями, «ура» кричат. Мимо проскакали, на доброго молодца и не взглянули.

Уехал он в чистое поле, коня отпустил, снял с себя боевые доспехи. А сам в шкуру завернулся и пошел в свою избенку.

Залез на печь. Лежит отдыхает. Прибежала домой Наталья-царевна:

— Ох, Ваня, опять ты где-то скрывался, куда наши войска с неприятельскими полчищами воевали!

Иван молчит. Заплакала Наталья-царевна:

— Стыдно мне добрым людям в глаза глядеть!

На другой день воротились в стольный град войска с победой. Все их в радости встречают. Царевич с королевичем царю рассказывают, как они Гвидоново войско побили.

Царь всех воевод щедро наградил. Велел выкатить бочки с вином да с пивом — ратникам угощение. Приказал из пушек палить, в колокола звонить. У царя в столице победу празднуют, а старший брат двух убитых богатырей — Росланей — уговорил короля Гвидона в третий раз на войну идти и сам свои полки выставил.

Гвидон собрал войско больше прежнего да Салтана, своего тестя, подбил в поход идти. Войска набралось видимо-невидимо.

Идут, песни поют, в барабаны бьют. Впереди едет сарацинский наездник, а за ним — самый сильный, самый отважный в Гвидоновом королевстве богатырь Росланей.

Заставу на границе побили, повоевали и написали царю письмо: «Подавай нам своего наездника, который наших двух богатырей победил, и плати дани-выкупы вперед за сто лет, а не то все твое царство разорим и тебя самого пошлем коров пасти».

Царь грамоту прочитал, с лица сменился. Позвал зятьев, князей да бояр:

— Что станем делать?

Зять-царевич говорит:

— Коли бы знамо да ведано было, кто богатырей Гвидоновых убил, лучше бы одного отдать, чем воевать. А зять-королевич присоветовал:

— Чем еще раз воевать, лучше дань платить. Сколько надо будет, столько с мужиков да с посадских людей и соберем — царская казна не убавится. На том и согласились, отписали Гвидону и Салтану: «Землю нашу не зорите, станем дань платить. И обидчика найдем да к вам приведем — дайте сроку три месяца».

Гвидон с Салтаном ответили: «Даем сроку три недели».

Царь с зятьями да с боярами торопятся. Послали гонцов по всем городам, по всем деревням:

— Собирайте казну с мужиков и посадских людей да ищите Гвидонова обидчика!

Вспомнил царь приметку:

— Глядите, у кого руки по локоть золотые, а ноги по колено серебряные, того моим именем велите в железо ковать и везите сюда.

Проведала о том Наталья-царевна и догадалась: «Не иначе как мой муж богатырей победил! Недаром, когда бой был, его дома не было».

Легко ей стало, радостно, а как вспомнила, что велено его отыскать да в цепи заковать, запечалилась. Прибежала домой, кинулась мужу на шею:

— Прости меня, Иванушка! Напрасно я тебя обидела. Знаю теперь: ты победил обоих богатырей. — И рассказала ему про царский приказ. — Ухоронись подальше — как бы и сюда царские слуги не наехали.

— Не плачь, не горюй, женушка, я царских слуг не боюсь. Сейчас перво-наперво надо Гвидона с Салтаном проучить, вразумить, чтобы век помнили, как в нашу землю за данью ходить.

Тут Иван с молодой женой простился и побежал в чистое поле, в широкое раздолье. Свистнул посвистом молодецким, крикнул-гаркнул голосом богатырским:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь прибежал и говорит:

— Ох, Иванушка, чую я, будет сегодня жаркий бой: прольется кровь и твоя и моя!

Иван на то ответил:

— Лучше смертную чашу испить, чем в бесчестье жить да лютому врагу дань платить!

Оседлал коня, сам в боевые доспехи снарядился и поехал в стольный град, в посадские концы. Вскричал тут громким голосом:

— Подымайтесь все, кому честь дорога! Постоим до последнего за жен, за детей, за престарелых родителей, не дадим свою землю Гвидону с Салтаном в поруганье!

На тот клич вставали посадские люди, поднялись мужики по всем волостям.

Три дня Иван войско собирал, на четвертый день по полкам разбивал, на пятый повел полки на недругов. А из дальних городов и волостей ратники валом валят, и такая рать-сила скопилась — глазом не окинуть!

Сошлись ратники с иноземными полчищами поближе. Выехал вперед сарацинский наездник:

— А, не хотите добром дань платить, войско послали! Все равно войско побьем и дань возьмем!

Метнул в него Иван копье и насквозь пронзил бахвальщика. Повалился сарацин из седла, будто скошенный.

— Вот тебе дань, получай, басурман!

В ту пору выехал из вражьего стана самый сильный богатырь Росланей. Сидит на коне, как санный стог. Конь под ним гора горой. Конь по щетки в землю проваливается, из-под копыт столько земли выворачивает — озера на том месте наливаются. Кличет богатырь себе поединщика.

Выехал навстречу Иван. Засмеялся чужеземный богатырь-великан:

— Эко, поединщик выискался! Соску бы тебе сосать, а не с богатырями силой меряться!

Закричал ему Иван:

— погоди, проклятое чудище, раньше времени хвалиться — не по тебе ли станут панихиду петь!

С теми словами разъехали богатыри на двенадцать верст, повернули коней, стали съезжаться. Не две громовые тучи скатились, не две горы столкнулись — два могучих, сильных богатыря на смертный бой съехались. Съехались, стопудовыми палицами ударились. Палицы в дугу согнулись, а сами никоторый никоторого не ранил.

Другой раз съехались, стали копьями долгомерными биться. До тех пор бились, покуда копья у них не приломались, и опять никоторый никоторого не ранил. На третий раз съехались, выхватили острые мечи. Конь Ивану успел только сказать:

— Берегись! Как можешь, пригнись ниже!

И сам голову пригнул.

Росланей первым мечом ударил. Со свистом Росланеев меч пролетел. Задел Ивану левую руку да ухо коню отсек. Выпрямился Иван, размахнулся и вышиб меч из рук Росланей, не дал другой раз ударить. Тут сшиблись кони богатырские грудь с грудью. Иван с Росланеем спешили и схватились врукопашную. Бились они с полудня до вечера. Росланей по колено Ивана в землю втоптал. Рана у Ивана болит, и чует он — сил у него все меньше становится. Улучил добрый молодец минуту и кричит Росланею:

— Погляди-ка, что у тебя за спиной творится!

Не удержался Росланей, оглянулся, а Иван собрал все свои силы, изловчился и так сильно ударил супротивника, что тот зашатался. Тут Иван не стал мешкать, метнул в Росланей свой булатный нож и навеки пригвоздил его к сырой земле.

Тем временем Иванов конь сбил с ног, затоптал Росланеева коня.

А в ту пору Иваново войско кинулось на вражьи полчища, Ивану с конем и отдыхать некогда. Вскочил добрый молодец в седло и поскакал в бой. Бились с вечера до утренней зари. К утру все поле усеяли Гвидоновыми да сарацинскими войсками. Салтан с Гвидоном ужаснулись и кинулись с остатками полков прочь бежать. Иван со своими ратниками их гнали и били не покладая рук. Под конец настигли Гвидона с Салтаном и взяли их в плен.

— Еще ли вздумаете к нам за данью приходить? — спрашивает Иван.

— Ох, добрый молодец, отпусти нас подобру-поздорову домой, и мы не только сами на вас войной не пойдем, а и детям нашим, внукам и правнукам накажем с вами в мире жить и вам веки-повеки

дань платить!

— Ну, смотрите, нарушите слово — худо вам будет! Тогда все ваши земли разорю и корня вашего не оставлю!

После этого отпустил их Иван на все четыре стороны. Потом все свои полки собрал и повел домой. А между тем дошли вести до царя, что посадские люди и деревенские мужики побили Гвидоновы да Салтановы войска и самого могучего богатыря Росланея победили.

Собрал царь князей да бояр, позвал своих старших зятьев и говорит:

— Наши ратные люди все Гвидоновы и Салтановы полки побили, повоевали, а воеводой у наших ратников был тот молодец, у которого по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре. Он собрал мужиков да посадских людей, выступил в поход самовольно и тем мне, царю, и вам, моим ближним князьям да боярам, нанес большое бесчестье. Чего станем с самовольником делать?

— Чтобы вперед на такое самовольство никому соблазна не было, надо царева ослушника казнить!
— князья с боярами закричали.

Тут поднялся с места один старый боярин, низко царю поклонился:

— Не вели, царь-надежа, казнить, вели слово молвить!

— Сказывай, боярин, сказывай, — царь велит.

— Покуда посадские люди да мужики все вместе и покуда у них есть свой воевода, негоже наши намерения показывать. Надо их ласково встретить да приветить. Надо выкатить из погребов все вино, какое есть, да побольше наград раздать — нечего жалеть золотой казны. Пусть ратники пьют, гуляют, забавляются. А как перепьются в разные стороны, тут поодиночке с ними полегче управиться. Тогда и царского ослушника, холопьего воеводу, легче легкого в железо заковать, а там, царь-государь, твори над ним свою волю! Царю те речи по нраву прились, и все со старым боярином согласились.

Иван в ту пору незаметно отъехал от своих ратников подальше в чистое поле, в широкое раздолье. Коня расседлал, разнуздал.

— Спасибо, конь дорогой! Послужил ты мне верой и правдой, и я век твою службу помнить буду. Конь ему и говорит:

— Ты, Ваня, пуще всего опасайся царской милости да боярской ласки. А я тебе и вперед буду верно служить, когда исполнишь мою просьбу.

— Говори, мой верный конь, я все для тебя сделать готов, чего бы ты ни попросил!

— Помни, Иванушка, свое обещанье!

— Говори, все исполню.

— Бери, Ваня, в руки свой острый меч и отруби мне голову, — просит конь.

— Что ты говоришь! Статочное ли дело, чтобы я своему верному коню сам голову отрубил! Чего хочешь проси, а об этом и говорить нечего. Веки веков моя рука на этакое дело не подымется.

Конь голову опустил:

— Коли так, навеки ты меня несчастным оставишь.

И заплакал конь горькими слезами. Стоит Иван, глядит на друга-товарища, не знает, чего делать.

А конь неотступно просит:

— Не бойся ничего! Отруби голову и тогда увидишь, что будет.

Думал, думал Иван, схватил меч, размахнулся и отсек коню голову.

И вдруг, откуда ни возьмись, вместо коня стал перед ним добрый молодец:

— Ох, Иванушка, друг дорогой, спасибо, послушал меня, избавил от колдовства! А как бы не исполнил моей просьбы, век бы мне конем быть. Сам я из этого царства — Василий, крестьянский сын. Сила во мне великая. А в ту пору обидел царский слуга моего отца с матерью. Вызвал я обидчика на поединок и победил его в кулачном бою. Царь на меня прогневался. Подкараулили царские слуги меня и сонному руки, ноги сковали, увезли в глухой, темный лес, оставили там диким зверям на растерзание.

Мимо ехал леший, взял в свое царство. Не захотел я у него холопом служить. За это леший конем меня обернул, голодом морил да мучил, покуда ты не выручил меня? Мы с тобой вместе от лешего избавились, вместе за свою землю стояли, с лютыми врагами бились, кровь пролили. И никто, кроме тебя, не мог избавить меня от лешачьего колдовства.

Глядит Иван и глазам не верит: был конь, а теперь стоит добрый молодец.

Тут Василий, крестьянский сын, Ивану поклонился:

— Будь мне названным братом!

Иван обрадовался, названного брата за руки брал, крепко к сердцу прижимал.

И пошли они к своим войскам. А как стали полки к столице подходить, царь приказал из пушек палить, в барабаны бить и сам с боярами вышел навстречу ратникам:

— Спасибо, ребяташки, за верную службу! Век я вашей услуги не забуду, всех велю наградить! А теперь отдыхайте, пейте, гуляйте — угощения на всех хватит!

Тут Иван с Василием, крестьянским сыном, вышли вперед.

— Теперь-то ты ласковый, на посулы не скупись, а помнишь ли, как всю нашу землю ты да бояре Гвидону с Салатном согласились навек в кабалу отдать?

Теперь пришло время ответ держать. Царь и бояре ни живы ни мертвы стоят, руки, ноги дрожат и с лица сменились.

Названные братья им и говорят:

— Уходите, чтобы и духу вашего тут не было!

И все ратные люди закричали:

— Худую траву из поля вон!

Царь да бояре не стали мешкать, кинулись бежать кто куда, только их и видели.

А Иван — вдовый сын со своим названным братом стали тем царством править. Все лешачьи богатства и диковинки привезли. Все посадские люди и деревенские мужики с тех пор стали лихо да беду изживать, добра наживать.

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец.